

УДК 94(574)

¹Л.В. Сафронова, ¹У.А. Амирбекова, ²А.М. Нурбаева*¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Республика Казахстан, г. Алматы²Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Республика Казахстан, г. Алматы

*E-mail: aida87_chu@mail.ru

Концепт чисел и когнитивная поэтика в рассказе Лаврентия Сона «Площадь треугольника»

Определяющая формальная особенность обсессивного дискурса – скопление чисел, к символике которых корейская культура особенно внимательна. В статье «Концепт чисел и когнитивная поэтика в рассказе Лаврентия Сона «Площадь треугольника»» рассматривается обсессивная акцентуация образов-персонажей корейских переселенцев в Казахстане, способствующая сохранению национальной идентичности и успешной адаптации в чужеродном социуме. Внутренняя упорядоченность, гармоничность, уверенность в себе, обретенная благодаря числовому предугадыванию и управлению событиями, защищает и от деструктивных для личности желаний Другого (по В. Рудневу, первоначально архаического божества, древнего аналога СверхЯ, а затем – слепой государственной машины или жестокой судьбы).

Сосредоточенность на успокаивающей ритмичности числительных, их сакрализация, означающая подконтрольность мира, и «волшебное» искажение реальности в результате – это своего рода обсессивная защита от кошмара соцреалистической реальности, такой своеобразный отказ от нее. Главный персонаж психологически травматичного «эмигрантского текста» Лаврентия Сона – маленькая кореянка без имени – оказывается типичным программистским характером, зажатым в тиски между собственным национальным мифологическим бессознательным и СверхЯ суровой государственной машины.

Ключевые слова: символика, обсессивный дискурс, обсессивная акцентуация, национальная идентичность, концепт чисел.

L.V. Safronova, U.A. Amirbekova, A.M. Nurbaeva.

Concept of numbers and cognitive poetics in the story Lawrence Sona «area of the triangle»

The article deals with accentuation obsessional images, characters of Korean immigrants in Kazakhstan, contributing to the preservation of national identity and successful adaptation to the alien society.

Key words: symbolism, obsessive discourse, obsessional accentuation, national identity, the concept of numbers.

Л.В. Сафронова, У.А. Амирбекова, А.М. Нурбаева.

Лаврентий Сонның «үшбұрыш ауданы» әңгімесіндегі когнитивтік поэтика мен сандар концептісі

Мақалада, ұлттық барабарлықты сақтап қалуға және бөтен әлеуметтік топ арасында сіңісіп кетуге ықпал ететін, Қазақстанға жер ауып келген корей бейне-кейіпкерлерінің обсессивтік акцентуациясы қарастырылып зерделенген.

Түйін сөздер: белгі-нышан, обсессивтік дискурс, обсессивтік акцентуация, ұлттық барабарлық, сандар концептісі.

Человек, постоянно находящийся в состоянии повышенной тревожности, вынужден расширять свою внутреннюю реальность за счет присутствия в ней Другого, в образе которого можно существовать, не рискуя встретиться со своими собственными неразрешимыми проблемами [1, с. 24]. Смысл подобного расщепления внутреннего мира – в ослаблении личной ответственности, в возможности от(пере)кладывания принятия ответственных решений, экстраполируя этот процесс на субъектно-объектный ряд из выдуманной, личной мифологии индивида. «Если у истоков мифологии стоят страх и одиночество, то я еще как одинок», – пишет И. Бродский [2, с. 62].

В художественной литературе такой образ-персонаж, как правило, выражает себя в форме обсессивного дискурса и поведения, цепочке защитных речевых операций и жизненных ситуаций – сложной системе повторов, задача которых состоит в поэтапном изживании психологической травмы и снятии состояния страха [3, с. 237; 366]¹.

Отсюда, из «успокаивающей» поэтики мерности и ритмичности в рассказе «Площадь треугольника» Лаврентия Сона – и рамочная композиция текста, и сказочный, как бы уже знакомый, сюжет, и педалированная приверженность числовым обозначениям: «Я уже много раз подступался к вам, друзья мои <...>» [4, с. 60]; «Долгие годы» [4, с. 63]; «многочисленные чада» [4, с. 62]; «на плохом счету у начальства» [4, с. 63]; «сколько зарабатывает жена» [4, с. 66]; «вдруг скидывает руку и произносит какую-нибудь цифру и незаметно записывает ее на бумажке» [4, с. 66] «правый рукав на полсантиметра длиннее» [4, с. 61]; «наступил сорок девятый год» [4, с. 62]; «сорок восемь часов на сборы» [4, с. 62]; «успешно заканчивающий десятилетку» [4, с. 62]; «заклучил выгодный контракт» [4, с. 66]; «миловидная женщина средних лет» [4, с. 67]; «деньги были нам нужны» [4, с. 67]; «платит ли мама налоги, ведь доходы, поди, астрономические» [4, с. 68]; «сумма штрафа» [4, с. 68]; «мама словно невзначай записывала цифры, угаданные по голосам заказчиков» [4, с. 73]; «вошебствующие приемы снимать мерки» [4, с. 73]; «восполнить наш семейный бюджет» [4, с. 69]; «скромная заплата техника-конструктора» [4,

с. 69]; «размеренная жизнь» [4, с. 70]; «на это ушло около недели» [4, с. 72]; «плата за комнату будет отдаваться своевременно» [4, с. 72]; «Больше месяца ушло на то, чтобы оформить документы на выплату налогов [4, с. 78] и т.д.

В терминологии Ю. Кристевой этот процесс фиксации мерности жизни, как бы застревания на количественных показателях, получил название «отказа» – импульсивного действия, следствия борьбы человека со своими невозможными желаниями и страхами, напрямую связанными с фундаментальными механизмами художественного творчества, куда это все бессознательно и вытесняется.

Показательно в этом ракурсе, что все персонажи Лаврентия Сона – носители подобного набора симптомов, выражаемого обсессивной лексикой числительных и ретардирующей, апеллирующей к некоей высшей справедливости и упорядоченности реальности композицией образа и сюжетных ситуаций, с ним связанных.

Это чрезвычайно распространено и универсально для корейской литературы в целом, а особенно – в э/мигрантской литературе, унаследовавшей и перенесшей на э/мигрантскую почву базовую обсессивную специфику корейского характера, так как восточная ментальность не преобразует мир, а принципиально по иному взаимодействует с реальностью – она в нее вживается [5, с. 4]. И «фирменный» вопрос всех э/мигрантов, провоцирующий интерпретировать судьбу как что-то навязанное извне и тем тотально освобождающее человека от ответственности за собственную жизнь, выдает и автора-корейца, тоже обсессивного невротика, что называется – с головой.

Именно соматические (телесные) импульсы, результат подавления инстинктивных проявлений страха и тайных надежд корейских мигрантов, порождают специфически ритмизированную сетку повторов (нагромождение или повторение, концентрацию определенных морфем или целых изоморфных языковых и сюжетно-композиционных блоков), которая и является источником эстетического наслаждения (успокоения) [6, с. 304-305]. Семиотическая структура художественного текста обязательно предполагает ритмическую приостановку смысла, освобождает ментальное пространство для бессознательного, из которого как бы и начинает терапевтически говорить Другой.

Персонаж-ананкаст Лаврентия Сона, переживший ужасы департации (человек с обсессив-

¹ Обсессиями, или навязчивостями, называется «одержимость какой-то одной мыслью, защитной операцией или сложной цепочкой поступков, когда их неосуществление приводит к возрастанию тревоги» [3, с. 237].

но-компульсивным характером, страдающий неврозом навязчивых состояний из-за непомерности стресса), особенно педантичен, внутренне предельно упорядочен, склонен к ритуализации собственной жизни (трансляции заговоров, молитв и заклинаний²) и установлению подконтрольности окружающей действительности хотя бы с помощью архаической магии, «*волшебствующих приемов снимать мерки*» [4, с. 73].

Как пишет В. Руднев, «<...> поскольку первооткрытие регулярно повторяется в ритуале, то в ритуально-мифологическом сознании имеет место темпоральная циклизация, остановка времени, направленная на борьбу с хаотическим энтропийным профанным временем тотального распада, который мыслится как распад-разложение тела первочеловека, стабильность и целостность которого и призван поддерживать ритуал» [7, с. 258]. Как нельзя лучше под эти характеристики подходит профессия портного, которая весьма коррелирует с корейской ментальностью, – педантичной и методичной, внутренне и внешне супериерархизированной³: «*что же ты, вознеся мастера на вершину вечного треугольника, низвергло к его основанию, где силы зависти и недоброжелательности перебороли правду и любовь...*» [4, с. 74].

Как правило, такой обсессивный персонаж легко вписывается в любую социальную иерархию, так как сознательно ограничивает свою и чужую свободу. Его характеризует, прежде все-

² «Давайте вместе произнесем молитву-заклинание всевышнему, который так подшутил над старым мастером... О небо! Отчего ты так немил и бессердечно к носителю редкого волшебства, искусному портному, маме, что же ты, вознеся мастера на вершину вечного треугольника, низвергло к его основанию, где силы зависти и недоброжелательности перебороли правду и любовь; как же так, ведь жизнь должна продолжаться без портного, без мамы, почему же столь непомерно велики штрафы и налоги, которыми облагают талант и чудодействие, какие силы движут конвейер молчаливых унижений, как позволило ты, всевидящее око, бесчинство морозящих ветров, холодом обжигающее крутые спины, по какому праву малое признается еще более малым, а большое слепнет в сердечной слепоте, лишаясь благодушия и долготерпения, есть и у тебя намерение вознести мастера на трон, исчезнет ли с его лица, моей мамы, горькая улыбка отчаяния?...» [4, с. 74].

Такое подключение к потусторонним силам усиливает позиции героя, сообщают ему добавочное «мистическое бесстрашие». А кустарные молитвы, заговоры и заклинания (своего рода обсессивные «считалки») помогают в преодолении коллективного невроза, которым было больно все сталинское и постсталинское общество.

³ См.: рассказ О Чонхи «Огненная река» и др.

го, мегаломаническая приверженность к числам, разного рода педантичные хобби (вязание, вышивание) и искаженное, мистическое восприятие реальности из-за невыносимого страха перед ней, так как еще одна функция обсессии – остановка энтропии, времени, смерти [8]: «*Мама боялась!*» [4, с. 73].

Особенно хорошо, например, по мысли В. Руднева, освоил эту обсессивную успокаивающую психотехнику Д. Хармс с помощью поэтики навязчивых повторений строящий ретардирующие сюжеты детских «страшилок» с парадоксальным обратным эффектом – внушения детям отрицания изображенной реальности. «*Все мы, нормальные люди, меняемся в кривых зеркалах, а эти?...*» [4, с. 73].

«Еще более возможно влияние на Хармса <...>, пишет В. Руднев, общей неомифологической предпостмодернистской художественной парадигмы европейской культуры 1920-х годов, парадигмы, в принципе отметающей идею истории как становления и под влиянием «обсессивных» философий истории Ницше и Шпенглера культивирующей вечное возвращение» [7, с. 246].

Волшебное искажение реальности в этом рассказе – это своего рода обсессивная защита от кошмара соцреалистической реальности, такой своеобразный отказ от нее. Главный персонаж психологически травматичного «эмигрантского текста» Лаврентия Сона – маленькая кореянка без имени – и оказывается типичным программистским характером, зажатым в тиски между собственным мифологическим бессознательным и СверхЯ суровой государственной машины.

Определяющая формальная особенность обсессивного дискурса – скопление чисел, к символике которых корейская культура особенно внимательна. Число как образ мира в архаических культурах В.Н. Топоров описывает в виде средства периодического восстановления в циклической схеме развития, служащей для преодоления деструктивных хаотических тенденций [8, с. 5]. То есть сосредоточенность на числах и корейца из метрополии, и корейского э/мигранта (в первую очередь) упорядочивает их внутренний мир, имеет функцию невротической защиты от базового инстинкта – страха смерти, которой в корейской ментальности, благодаря буддизму, особенно много. Во-вторых, внутренняя упорядоченность, гармоничность, уверенность в себе, обретенная благодаря числовому предугадыва-

нию и управлению событиями, защищает и от деструктивных для личности желаний Другого (по В. Рудневу, первоначально архаического божества, древнего аналога СверхЯ, а затем – слепой государственной машины или жестокой судьбы).

Нагромождение символического (чисел) служит, согласно наблюдению Ю. Кристевой, защитой идентичности человека, которая подвергается угрозам разрушения со стороны хаоса и неподконтрольности реальности. Поэтому союз с числом как с управителем, властителем мира (основная функция числа – административная, организационная) – оказывается попыткой для героев Сона решить проблемы адаптации в чужеродном социуме.

Союз маленькой портнихи с магическими цифрами – это искусственная преграда и защита, которую установила себе героиня на пути ее встречи со своим главным страхом переселенца – неизвестностью. Согласно гипотезе З. Фрейда, обсессивное состояние соотносится с представлениями о «всемогуществе мысли», попытками управления реальностью, по сути, религиозным «самиздатом», нужным человеку для примирения с миром и с собой [9, с. 93]. Аффiliation, пристройка к счастливому магическому числу (пока истерик рыдает, невротик считает), способствует успокоению сознания, дает иллюзию непроницаемой защиты от поражений, понижает тревогу с каждым новым витком счета: «мама по обыкновению называла цифры» [4, с. 68]; «перевыполняла план, причем в четырехкратном размере» [4, с. 70]; вела «размеренную жизнь» [4, с. 70] – «будет с кем коротать вечера за разговорами о ценах в очередях» [4, с. 72].

По З. Фрейду, все эти «рецидивы младенчества», когда мир континуально неделим и безопасен в силу наличия в нем покровителей, принимающих ответственные решения за ребенка, также провоцируют у «маленькой корейки» акцентуацию ее инфантилизма («Моя мама щупленькая женщина, росточком маленькая, и даже, когда вышла замуж, родственники звали ее словом, которое в переводе на русский язык означает – ребенок, дитя» [4, с. 61]). Не случайно ее спасает от холодной смерти большой старик-казах в огромном овечьем тулупе.

Все это возвращает персонажей к архаическому мышлению, т. е. вере в всемогущество охранительных родительских фигур (аналога бога-

отца) и попытке управления миром с помощью магии и волшебства: «Тут маленькая тайна, разгадать которую я вас и приглашаю. И для начала сообщу следующее. Если мама сошьет носовой платок простуженной соседской девочке – у той проходит насморк; если соорудит штанишки Ваське-второгодки, тот спешно осилит программу третьего класса и перейдет в четвертый; если же справит рабочий халат мастеру завода тяжелого машиностроения (а мастер находится на плохом счету у начальства), то дела его пойдут на поправку и все начинают понимать, что он прекрасный работник и человек; если коммерческому агенту, нашему, советскому, сошьет костюм, то коммерсант непременно заключит удачный контракт с фирмой из ФРГ⁴ на поставку оборудования; если же выполнит заказ молодых людей на шитье модных костюмов и платьев, те не меняются в кривых зеркалах, в чем мы с вами уже убедились...» [4, с. 63].

Главная героиня Лаврентия Сона маленькая корейка заводит себе как бы персональное медитативное божество – уникальную, волшебную комбинацию цифр – волшебных одежных мерок, воплощение своих отношений к добру и злу, что не только дает ей чувство реализации идентичности, восходящей к корейской ментальности (необходимого условия самоутверждения любой личности), но и как бы надежно защищает от конкретного, адресованного именно ей зла и опасности. Именно так э/мигрант-невротик только и способен бороться с собственной дискретностью и дисперсностью окружающей действительности, чтобы сохранить остатки психического здоровья и национальной идентичности.

З. Фрейд определил эту непреходящую функцию обсессивного характера как потребность в создании личной «карикуры на религию». Ее индивидуальная религия, по сути, является поисками идеального маневра подсоединения, оптимального способа слияния со спасительным числом, имперсонирования его в сложных жизненных ситуациях, то есть самосакрализации в конечном счете, тоже способе самосохранения, форме психологической самозащиты.

⁴ Не случайно немецкий и корейский характеры очень схожи в аспекте обсессивности-педантичности, методичности, ответственности и экономической успешности – в результате.

Практически все основные персонажи рассказа Сона – классические примеры обсессивного характера, обусловленные авторской обсессивной акцентуацией. Этот количественный рост обсессивных типов личности и качественное их влияние на рост благосостояния общества (в частности, технически осязаемое корейское индустриальное чудо) есть, по В. Рудневу, например, логичное следствие универсального социобиологического закона. А именно – превалирования СверхЯ в структуре восточной личности, коллективистском менталитете с жесткой иерархичной структурой. Действительно, по Ю. Критстевой, страхи, одолевающие человека, связаны, в первую очередь, со слабостью его символической системы, слабостью действия запрета в структуре его психики. Для корейских э/мигрантов слабость символической системы – непозволительная роскошь.

Восточное мышление дивергентно, оно характеризуется расходимостью мыслей и сознания, не поддающихся логическому выражению. Мышление восточных людей – непрерывно и метафорично, двусмысленно в своей основе. Язык восточного человека образен и символичен. Ю.М. Лотман в работе «Семантика числа и тип культуры» определяет подобную восточной модель мышления (замкнутую, мифологически закольцованную модель мира (мир в мире)) как модель парадигматическую, активизирующую

изоморфизм. «Именно парадигматическая структура культуры благоприятствует превращению числа из элемента культуры в ее универсальный символ», резюмирует ученый [10, с. 432]. «Изоморфизм уровней имеет следствием то, что все многообразие различных качеств приобретает характер количественных степеней одного качества. Такое иерархическое и парадигматическое построение составляет основу для сведения элементов одного уровня к некоторому элементарному набору, а других уровней – к количественному их варьированию. Поэтому отношение какого-либо понятия к соответствующему семантическому элементу другого уровня наиболее органично выражается числом» [10, с. 432].

Таким образом, *материальная реальность* никогда не исчерпывает картины мира в творчестве писателя-корейца, более того, она то как раз и является иллюзорной, мнимой. И в этом же смысле обращенность автора за ответами на свои навязчивые (вечные) вопросы к восточной философии и религии, манифестирующей многомерность реальности, единственно перспективна.

И если вслед за Ю.М. Лотманом рассматривать переживание искусства как терапевтическое средство [11, с. 208], выживает в травматических обстоятельствах истории именно тот, кто более расчетлив (семантика числа) и менее импульсивен.

Литература

- 1 Салецл Р. (Из)вращения любви и ненависти. – М.: Художественный журнал, 1999. – 208 с.
- 2 Brodskiy I. Poklonitsya teni. Essay. – SPb.: Azbuka, 2000. – 314 s.
- 3 Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. – М.: Высш. шк., 1996. – 623 с.
- 4 Лаврентий Сон. Площадь треугольника // Страницы лунного календаря. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 60-76.
- 5 Кодар А. Интервью с самим собой // Тамыр. – 2004. – Вып. 3 (13). – С. 3-9.
- 6 Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М.: Intrada, 2004. – 559 с.
- 7 Руднев В. Метафизика футбола. – М.: Аграф, 2001. – 384 с.
- 8 Топоров В.Н. О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. – М.: Наука, 1980. – С. 3-58.
- 9 Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии. – М.: Республика, 1998. – 223 с.
- 10 Лотман Ю.М. Семантика числа и тип культуры // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек. Текст. Семиосфера. История. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 430-434.
- 11 Лотман Ю.М. Логика взрыва / Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек. Текст. Семиосфера. История. – М.: «Языки русской культуры», 2000. – С. 101-108.

References

- 1 Saletsl R. (Iz)vraschenie lyubvi i nenavicti. – M.: Hudojestvenny jurnal, 1999. – 208 s.
- 2 Brodskiy I. Poklonitsya teni. Essay. – SPb.: Azbuka, 2000. – 314 s.
- 3 Laplansh J., Pontalis J.B. Slovar po psihoanalizu. – M.: Vyschaya schkola, 1996. – 623 s.
- 4 Lavrentiy Son. Ploschad treugolnika // Stranitzu lunnogo kalendarya. – M.: Sovetskiy pisatel, 1990. – S. 60-76.
- 5 Kodar A. Intervyu s samim soboy // Tamyr. – 2004. – Vyp. 3 (13). – S. 3-9.

- 6 Zapadnoye literaturavedenie XX veka: Entziklopedya. – M.: Intrada, 2004. – 559 s.
- 7 Rudnev V. Metafizika futbola. – M.: Agraf, 2001. – 384 s.
- 8 Toporov V.N. O chislovysh modeliysh v arxaicheskish tekstash // Struktura teksta. – M.: Nauka, 1980. – S. 3-58.
- 9 Freid Z. Totem i tabu: Psihologya pervobyitnoi kultury i religyi. – M.: Respublika, 1998. – 223 s.
- 10 Lotman Y.M. Semantika chisla i tip kultury // Lotman Y.M. Vnutri myslyaschih mirov: Chelovek. Tekst. Semiosfera. Istorია. – M.: Yaziki russkoy kultury, 2000. – S. 430-434.
- 11 Lotman Y.M. Logika vzriyva / Lotman Y.M. Vnutri myslyaschih mirov: Chelovek. Tekst. Semiosfera. Istorია. – M.: Yaziki russkoy kultury, 2000. – S. 101-108.